

А.В. Черняев

«Гамлет русской революции» (к 150-летию Е.Н.Трубецкого)

Феномен русской религиозной философии Серебряного века непостижим вне социального контекста второй половины XIX – начала XX вв., когда общественная атмосфера была, словно грозовая туча, насыщена революционными настроениями. «Старый порядок» уже качался и судорожно искал панацею в таких подпорках самодержавия, как православие и «народность». Но русская церковь сама пребывала в глубоком кризисе – как сообщается в воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского), на рубеже веков ощущался даже дефицит кадров для высших церковных должностей, ибо прогрессивная образованная молодежь из числа выпускников духовных академий не желала принимать монашество и связывать жизнь с церковью¹. Русское православие очевидным образом нуждалось в «перезагрузке», попыткой чего и явился т. н. русский религиозный «ренессанс»², лидеры которого предложили новое, рафинированное прочтение православной традиции – сквозь призму новомодных доктрин философского идеализма и в обрамлении respectable политического либерализма.

Правда, по многим свидетельствам, – например, Н.С.Арсеньева, – личная религиозность русских религиозных философов была «в значительной степени вне-церковная, или, точнее, не-церковная, рядом и с церковной, а главное, вливалась сюда порой и прятая струя “символического” оргазма, буйно-оргастического, чувственно-возбужденного (иногда даже сексуально-языческого) подхода к религии и религиозному опыту»³. При этом лидеры религиозной философии –

вчерашние марксисты и революционеры – после возвращения в церковь оставались вольнодумцами и продолжали мыслить политически, вынашивали политические по своей сути проекты, только на иной идеологической платформе, создав авангардную версию архаической доктрины христианского «преображения мира».

Таков контекст, в котором протекала деятельность Евгения Николаевича Трубецкого (1863–1920). В русском религиозно-философском «ренессансе» ему принадлежала особая роль: прежде всего, он был одним из немногих ближайших друзей провозвестника этого идейного движения В.С.Соловьева (который даже умер в принадлежавшей Трубецким усадьбе Узкое) и выступал продолжателем соловьевской миссии; он был наиболее активно вовлечен в общественно-политическую деятельность, пытаясь тем самым проводить в жизнь религиозно-философские социальные идеалы; наконец, эксклюзивность его отношений с М.К.Морозовой способствовала концентрации меценатских инициатив последней на поддержке крупных проектов, фактически обеспечивших некую институционализацию религиозно-философского «ренессанса».

Трубецкой был отпрыском знаменитого княжеского рода, в эпоху развития российского капитализма оказавшегося, подобно многим другим аристократическим семьям, в оскудении, так что пришлось даже продать родовое имение Ахтырку, где прошли детские годы Евгения и его старшего брата Сергея. Золотой век русского дворянства, когда жизнь была сплошным праздником с псовыми охотами, балами, веселыми представлениями в усадебном театре и досужими литературными и философическими экзерсисами, – навсегда остался в прошлом. Братья-княжата, словно простые разночинцы, вынуждены были всерьез задумываться о хлебе насущном и осваивать профессию, что привело их в Московский университет. Обладавший более деятельной натурой Сергей Трубецкой становится в 1905 г. первым свободно избранным ректором, однако умирает в том же беспокойном году от кровоизлияния в мозг. Академическая карьера Евгения развивалась не столь стремительно: два десятилетия ушло на преподавание в Ярославле и Киеве, и лишь в 1906 г. он получает кафедру в Alma Mater, откуда через пять лет уходит в знак протеста против нарушения правительством принципов университетской автономии, утверждению которых посвятил свои последние силы его старший брат.

За профессорским сюртуком Евгения всегда скрывалась натура политика и общественного деятеля, и не случайно обе свои диссертации⁴ он посвятил проблеме теократии, анализу роли христианства в политике и исторических форм его взаимодействия со светской властью. Революционные события 1904–1905 гг. пробудили у русской интеллигенции мечты о реализации самых дерзновенных проектов социального переустройства России; пришло время переходить от абстрактных размышлений о религиозно-общественном идеале к попыткам его реализации в современной жизни, в гущу которой врывается и Евгений Трубецкой. Он заседает в Думе и Государственном совете, основывает политические партии и злободневные периодические издания, сам активно и успешно выступает в роли публициста, на протяжении нескольких лет неутомимо публикуя острые редакционные статьи в «Московском еженедельнике». В конце 1905 г., после издания манифеста 17 октября и назначения С.Ю.Витте председателем правительства, Трубецкой получает приглашение на пост министра народного просвещения. Однако в итоге назначение не состоялось, поскольку при более обстоятельном знакомстве князь произвел на графа впечатление человека наивного и непрактичного: «Совершенный Гамлет русской революции»⁵.

Эту характеристику дополняет словесный портрет, оставленный младшим братом – Григорием Трубецким: «У Жени была какая-то своя особая простота – дар Божий. Он был похож на огромную неотесанную глыбу гранита. Он и в обществе сидел всегда так, как если бы кругом никого не было. Он был немножко первобытным человеком. Никакие впечатления и мысли никогда не были скрыты у него. Один или в обществе, он продолжал жить поглощавшей его мыслью, и на лице его слишком ясно написана бывала скука, если общество, в котором он находился, не отвечало его интересам... Трудно было представить себе более цельного непосредственного человека, с счастливой ясной и чистой душой»⁶.

Годы, посвященные изнурительной борьбе на общественно-политической передовой, не принесли желанных результатов, приведя только к усталости и разочарованию. В 1911 г. Трубецкой пишет статью с красноречивым названием «Над разбитым корытом», где констатирует «крушение русской революции, крушение русской конституции, крушение попыток создать “сильный и ра-

ботоспособный центр”, крушение всех попыток создать что-либо мало-мальски приличное и сносное в нашей государственной и общественной жизни». Но даже из негативного опыта можно извлечь полезный урок, и «сиденье над разбитым корытом всегда предрасполагает к философским размышлениям»⁷, – мудро заключает князь.

Трубецкой не отказывается от своей программы политическо-го христианства, но приходит к мысли, что прямая общественно-политическая работа и злободневная журналистика недостаточно эффективны. В результате принимается решение о закрытии «Московского еженедельника» и продолжении деятельности в принципиально ином формате – книгоиздательства религиозно-философской литературы, получившего название «Путь». «Чтобы оказывать глубокое духовное влияние, мысль должна очиститься и углубиться. Должны зародиться новые духовные силы... Публицистика, как я ее понимаю, должна питаться философией и углубленным религиозным пониманием! Стало быть, философия – первая задача, а публицистика вторая и даже третья»⁸. Приведенные слова – из письма Трубецкого Маргарите Кирилловне Морозовой, с которой он познакомился в 1905 году и нашел в ней ближайшую подругу и сподвижницу.

В истории русской культуры Серебряного века этой необыкновенной женщине принадлежит исключительная роль. Вдова крупного московского промышленника Михаила Морозова, она была одной из богатейших – не только в материальном, но, пожалуй, и в духовном отношении – женщин России. Вот как запечатлел ее образ Андрей Белый в своей книге воспоминаний «Начало века»: «У нее были изумительные глаза, с отблеском то сапфира, то изумруда; в свою белую тальму, бывало, закутается, привалится к дивану; и – слушает... Мы звали в шутку ее – “дамой с султаном”»; огромного роста, она надевала огромную шляпу с огромным султаном; казалась тогда “великаншею”; если принять во внимание рост, тон “хозяйки салона”, – то она могла устроить с непривычки»⁹.

Неудивительно, что после смерти мужа за Маргаритой Кирилловной ухаживали многие, в частности, известный историк и политический деятель П.Н.Милюков, но ее сердце уже принадлежало Трубецкому. Ближайшая подруга и наперсница Морозовой

Е.Полянская сравнила этих двух мужчин с героями известного романа И.А.Гончарова; в ответ Маргарита Кирилловна писала: «...насчет Обломова и Штольца Вы правы и неправы. Житейски это так, Штолец мог бы мне многое дать, но никогда не мог бы дать того, что может дать он»¹⁰. Однако отношения развивались медленно. Спустя три года Морозова сообщала той же корреспондентке: «Я приехала вчера, он уже звонил и сейчас же пришел. Мы провели вечер очень хорошо, читали Соловьева и беседовали радостно... На другой день он пришел ко мне опять, не хотел в редакцию, и целый день мы просидели!»¹¹

Чтение и обсуждение философских сочинений Соловьева тут не случайно: в это время Трубецкой работает над главной книгой своей жизни «Миросозерцание В.С.Соловьева», которая была адресована не в последнюю очередь лично Морозовой, ибо ей одной была понятна реальность, стоящая за развиваемой Трубецким философией Эроса. Евгений Николаевич сам признавался Маргарите Кирилловне: эта работа «затрагивает смысл моих с тобой отношений»¹². Демонстрацией того, к чему могло привести последовательное применение принципов соловьевской философии любви на практике, может служить брачный союз Александра Блока и Любови Менделеевой. В свою очередь, дополнительная драматургия в отношениях Трубецкого с Морозовой была связана с тем, что князь состоял в законном браке и православная мораль не позволяла ему оставить жену. Однако такая непростая ситуация лишь дополнительно разжигала огонь страстей, бесконечно сближая и отдаляя влюбленных друг от друга.

В то же время, эта мучительная, едва утоляемая страсть не осталась совсем бесплодной: детищем ее сублимации стало не только книгоиздательство «Путь», но по большому счету и весь религиозно-философский «ренессанс», который в противном случае, не обладая столь мощной организационно-материальной поддержкой, имел бы куда более скромный масштаб и, скорее всего, остался бы явлением исключительно маргинальным. По словам историка Владимира Кейдана, «здесь мы видим редкий пример того, как драма “незаконной любви” была превращена в источник творчества, на протяжении многих лет питавший своей энергией целое религиозно-философское и общественное движение, большинство участников которого вряд ли до конца это понимало... Любовь эта

выросла в созданной ее энергией питательной среде, где накануне революции возникло едва ли не самое “беспочвенное” явление начала XX века – “русское религиозное возрождение”¹³.

«Грешная любовь» вдохновила Маргариту Кирилловну на поддержку грандиозных политических и идеологических проектов. Считая своего возлюбленного самым выдающимся русским философом, преемником Владимира Соловьева, продолжателем его «вселенского дела», Морозова всеми силами стремилась предоставить ему самую высокую трибуну, сделать его лидером «христианской общественности» России. Поэтому Морозова оплачивала создание Конституционно-демократической партии, в центральный комитет которой вошел Трубецкой, финансировала «Московский еженедельник», который Трубецкой редактировал, религиозно-философское общество памяти Соловьева, где он был одним из руководителей, а собрания проходили прямо в московском особняке Морозовой в районе Пречистенки. Но крупнейшим ее проектом стало религиозно-философское книгоиздательство «Путь». Формально в редакционном комитете «Пути» Трубецкой обладал такими же правами, что и остальные члены-учредители (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, В.Ф.Эрн), однако в спорных ситуациях его мнение обычно оказывалось решающим, ведь именно ему неизменно отдавала предпочтение «хозяйка». Такие ситуации возникали нередко, поскольку князь был не чужд аристократического высокомерия и считал своих сотоварищей «пигмеями». Его высокую самооценку поддерживала Маргарита Кирилловна: «Я так горжусь тобой, – писала она князю в личном письме, – так радуюсь и вижу, как во всем и везде, сколько раз уже на моей памяти, ты умнее, благороднее, талантливее всех»¹⁴.

Первая мировая война вновь стимулирует социальный активизм Трубецкого, и в ноябре–декабре 1914 г. он вместе со своим учеником философом И.А.Ильиным совершает поездку по городам России, где выступает с публичными лекциями на тему «Война и мировая задача России» и т. п. Патриотический прилив национальной гордости отражается и на философском творчестве князя, пишущего во время войны книгу «Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства», задачу которой в письме Морозовой он выражает так: «Надо *in vide послушания и служения своему отечеству* покончить с этими немцами... нужно,

наконец, дать законченную *русскую* теорию познания»¹⁵. Правда, «преодолевать» Канта пришлось по большей части при помощи кантианских же методов... Одновременно Трубецкой создает книгу, где излагает собственную «положительную» философию: «Смысл жизни». На ее страницах он указывает, что видимость патриотического подъема не должна обманывать, когда «нет основной, религиозной скрепы, которая одна может сообщить народной жизни характер нерушимой целостности»¹⁶. Таким образом, именно Трубецкому мы обязаны столь популярным ныне словосочетанием «духовные скрепы»...

В 1917 г. Трубецкой активно включается в церковную жизнь: избирается делегатом Всероссийского съезда духовенства и мирян («предсобора»), который по инициативе князя принимает воззвание к армии и флоту о необходимости продолжать войну. Затем Трубецкой становится членом и заместителем председателя Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг., принимая активное участие в подготовке соборных политических деклараций по вопросу об отношениях церкви с государством, смысл которых сводился к тому, что «в условиях русского быта невозможно полное отделение церкви. Церковь должна быть в союзе с государством, сохраняя независимость во внутренней жизни и самоопределении»¹⁷.

В статье 1919 г. «Православная церковь и государственное строительство будущего» Трубецкой писал, что союз с государством не только необходим, но и должен быть максимально тесным. В статье того же года «Церковь и современное общественное движение» князь призывал церковь не отказываться от помощи «всех тех православных, инославных и неверующих, которые, хотя бы и не ведая Христа, осуществляют дело любви христовой на земле»¹⁸. При этом не было дано убедительного объяснения, почему инославные и неверующие должны признать духовное руководство православной церкви. Попытаться ответить на этот вопрос следовало бы тем более, что Трубецкой настаивал на исключительном праве церкви вмешиваться в решение политических вопросов: по его мнению, церковь «должна возвыситься над борьбою партий и общественных групп. Но она должна признавать и освящать все то положительное, ценное и истинное, что есть в программах отдельных политических и общественных партий, отделяя зерно от мякины»¹⁹.

Увы, все эти красивые слова оказались лишь декларациями, столь же бесконечно далекими от реалий общественной жизни, как и их сегодняшние повторения. Во время гражданской войны Трубецкой примкнул к лагерю белых и вместе с осколками денкинской армии в 1920 г. оказался в Новороссийске, где умер от тифа и, таким образом, не покинул родной земли. Действительно, трудно представить этого аристократа, антизападника и мечтателя о просвещенной православной державе в условиях белой эмиграции, вынужденной привыкать к жизни на эгалитарном, «еретическом» Западе.

Примечания

- ¹ См.: *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни. М., 1994. С. 42 и др.
- ² Термин вошел в обиход благодаря одноименному названию книги Н.М.Зернова: *The Russian Religious Renaissance of XX Century*. L., 1963. Учитывая публицистичный, а не научный характер данного выражения, я употребляю его в кавычках.
- ³ *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт на Майне, 1974. С. 61–62.
- ⁴ *Трубецкой Е.Н.* Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Ч. 1: Миросозерцание Блаж. Августина. М., 1892; *Его же*. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Ч. 2: Идея Царства Божия в творениях Григория VII и публицистов его времени. Киев, 1897.
- ⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 70.
- ⁶ Цит. по: *Половинкин С.М.* Кн. Е.Н.Трубецкой. Жизненный и творческий путь. М., 2010. С. 14.
- ⁷ Цит. по: *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности / Под общ. ред. М.А.Колерова. СПб., 2000. С. 63.
- ⁸ «Наша любовь нужна России...» Переписка Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой / Публ. А.А.Носова // *Новый мир*. 1993. № 9. С. 216.
- ⁹ *Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С. 508
- ¹⁰ Цит. по: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост. В.И.Кейдан. М., 1997. С. 49.
- ¹¹ Цит. по: Там же. С. 50.
- ¹² Цит. по: *Носов А.А.* История и судьба «Миросозерцания Вл.С.Соловьева» // *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание В.С.Соловьева. Т. II. М., 1995. С. 578.
- ¹³ *Кейдан В.И.* На путях к граду земному // Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост. В.И.Кейдан. М., 1997. С. 36–37.
- ¹⁴ «Наша любовь нужна России...» Переписка Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой / Публикация А.А.Носова // *Новый мир*. 1993. № 10. С. 198.

- ¹⁵ Цит. по: *Носов А.А.* Политик в философии // *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание В.С.Соловьева. Т. I. М., 1995. С. XII, примеч.
- ¹⁶ *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 210.
- ¹⁷ Цит. по: *Голлербах Е.А.* Указ соч. С. 27.
- ¹⁸ Цит. по: Там же. С. 28.
- ¹⁹ Там же.

Библиография

- Андрей Белый.* Начало века. М., 1990.
- Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт на Майне, 1974.
- Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост. В.И.Кейдан. М., 1997.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности / Под общ. ред. М.А.Колерова. СПб., 2000.
- Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 1994.
- Кейдан В.И.* На путях к граду земному // Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост. В.И.Кейдан. М., 1997.
- «Наша любовь нужна России...» Переписка Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой / Публикация А.А. Носова // Новый мир. 1993. № 9–10.
- Носов А.А.* Политик в философии // В кн.: *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание В.С.Соловьева. Т. I. М., 1995.
- Носов А.А.* История и судьба «Миросозерцания Вл.С.Соловьева» // *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание В.С. Соловьева. Т. II. М., 1995.
- Половинкин С.М.* Кн. Е.Н.Трубецкой. Жизненный и творческий путь. М., 2010.
- Трубецкой Е.Н.* Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Ч. 1: Миросозерцание Блаж. Августина. М., 1892.
- Трубецкой Е.Н.* Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Ч. 2: Идея Царства Божия в творениях Григория VII и публицистов его времени. Киев, 1897.
- Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1994.
- Zernov N.* The Russian Religious Renaissance of XX Century. L., 1963.